

УДК 1(091)

**ИММАНУИЛ КАНТ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ
ГУСТАВА ШПЕТА**

Т. Г. Щедрина^{1,2}, И. О. Щедрина³

В статье осмысливается значение концептуальных установок Иммануила Канта для исторической философии Густава Густавовича Шпета (1879 – 1937). Эта тема практически не разрабатывалась исследователями творчества Г. Г. Шпета; они, как правило, сопоставляли его логико-методологические построения с идеями представителей феноменологии (Э. Гуссерль, Р. Ингарден и др.) и герменевтики (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Х. Липпс, Х.-Г. Гадамер и др.). А потому авторы последовательно реконструируют «сферу разговора», в которой формировалась концепция «исторической философии» Шпета, и выявляют место и роль идей И. Канта в шпетовских построениях (особое внимание уделяется анти-тезе «Платон – Кант»). Среди «собеседников» Шпета, вместе с которыми он рассуждает о Канте и тем самым «возделывает» поле исторической философии, Г. И. Челпанов и Э. Гуссерль, Б. Больцано и А. Тренделенбург, Ф. Геман и М. Фришайзен-Кёлер. В качестве приложения публикуются заметки Шпета о Канте, хранящиеся в архиве его семьи. Отношение Шпета к Канту было достаточно сложным (конечно, по большей части критическим), и тем не менее он отдавал себе отчет в том, что Кант – это фундамент европейской философии и его попытки разрешения гносеологической проблемы заслуживают того, чтобы вернуться к ним и заново, еще раз пройти тем путем, которым шел Кант. Авторы показывают, что заметки о Канте имеют не только историко-философскую ценность. Они позволяют нам сегодня по-новому посмотреть на многие теоретико-познаватель-

¹ Московский педагогический государственный университет (МПГУ),

Россия, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

² Институт логики, когнитологии и развития личности, Россия, 129110, Москва, просп. Мира, д. 70А, корп. 2, оф. 41.

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ «ВШЭ»),

Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Поступила в редакцию: 05.06.2022 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-3-5

**IMMANUEL KANT
IN THE HISTORICAL PHILOSOPHY
OF GUSTAV SHPET**

T. G. Shchedrina^{1,2}, I. O. Shchedrina³

This article assesses the role of Immanuel Kant's ideas in the historical philosophy of Gustav Shpet (1879 – 1937). This theme has been largely ignored by Shpet scholars who have concentrated on comparing his logical-methodological theories with the ideas of representatives of phenomenology (E. Husserl, R. Ingarden and others) and hermeneutics (F. Schleiermacher, W. Dilthey, H. Lipps, H.-G. Gadamer and others). Accordingly, the authors consistently reconstruct "the sphere of conversation" within which Shpet's concept of "historical philosophy" was formed and reveal the place and role of Kant's ideas in Shpet's theories (with particular focus on the Plato-Kant antithesis). Among Shpet's "interlocutors" with whom he discusses Kant and thus "ploughs" the field of historical philosophy are G. I. Chelpanov and E. Husserl, B. Bolzano and A. Trendelenburg, F. Heman and M. Frischeisen-Kohler. We have attached Shpet's notes on Kant in the archive of his family. Shpet's attitude to Kant was controversial (while of course largely critical) and yet he was aware that Kant was the foundation of European philosophy and that his efforts to resolve the epistemological problem merit a second, thorough examination and a retracing of the path followed by Kant. The authors show that Shpet's notes on Kant have more than historical-philosophical relevance. They enable us to take a new look at many theoretical and cognitive prob-

¹ Moscow Pedagogical State University (MPGU).

1/1 Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russia.

² Institute of Logic, Cognitive Science and Personal Development.

70A, bld. 2, office 41, Mira ave., Moscow, 129110, Russia.

³ HSE University.

21/4, Staraya Basmannaya st., Moscow, 105066, Russia.

Received: 05.06.2022 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-3-5

ные проблемы и, что особенно важно, заставляют нас переосмыслить фундаментальные положения философии и методологии научного познания.

Ключевые слова: Г. Шпет, И. Кант, историческая философия, сфера разговора, идеализм

Прошло уже более тридцати лет с тех пор, как творчество Густава Густавовича Шпета оказалось в центре внимания философов-феноменологов, историков философии, культурологов, психологов. Именно тогда один из феноменологов, Владимир Калиниченко, поставил вопрос о продуктивности компаративистского подхода к исследованию идей Г. Г. Шпета: «Можно ли... обсуждать, скажем, темы “Шпет и Гуссерль”, “Шпет и Дильтей”, “Шпет и Ингарден” как темы философские?» (Калиниченко, 1992, с. 37). За эти годы историки философии широко использовали этот подход для осмысления шпетовских штудий, обсуждались темы «Шпет и Бахтин», «Шпет и Юм», «Шпет и А. Белый» и пр. Тем самым исследователи пытались найти место для этого оригинального мыслителя в системе философских координат европейского и русского интеллектуального пространства.

Но за пределами этих сопоставлений до сих пор остается Иммануил Кант, идеи которого Шпет переосмысливал. Возможно, именно из-за четко выраженного в текстах критического, по сути, отношения Шпета к Канту вопроса о сопоставлении их концептуальных установок у исследователей не возникало. А между тем Кант — один из важнейших «собеседников» Шпета⁴. В данном тексте мы только контурно наметим некоторые сюжеты для продолжения исследований темы «Шпет и Кант» (или, как любил говорить сам Шпет, представим схему дальнейших возможностей).

Интерес к Канту возник у Шпета еще в студенческие годы, когда он участвовал в деятель-

lems and, even more importantly, make us rethink the fundamental tenets of philosophy and the methodology of scientific cognition.

Keywords: G. Shpet, I. Kant, historical philosophy, the sphere of conversation, idealism

The work of Gustav Shpet attracted the attention of phenomenological philosophers, historians of philosophy, culturologists and psychologists more than thirty years ago when phenomenologist Vladimir Kalinichenko (1992, p. 37) suggested that the comparative approach could profitably be used in the study of Shpet's ideas: “Can one [...] discuss, for example, the topics ‘Shpet and Husserl,’ ‘Shpet and Dilthey,’ ‘Shpet and Ingarden’ as philosophical themes?” Since then historians of philosophy have widely used this approach in studying Shpet, notably the themes “Shpet and Bakhtin,” “Shpet and Hume” “Shpet and Andrei Bely” and others. They tried to find a “place” for this original thinker in the philosophical coordinates of the European and Russian intellectual space.

To date, however, these comparisons have left out Immanuel Kant whose ideas Shpet reinterpreted. His overtly critical attitude to Kant was part of the reason why the possibility of comparing the ideas of Shpet and Kant did not arise. And yet Kant was one of the key “interlocutors” of Shpet.⁴ The authors will suggest some approaches to the study of the theme “Shpet and Kant” (or, as Shpet liked to say, a scheme of further possibilities).

Shpet developed an interest in Kant during his undergraduate years when he attended

⁴ В его кабинете висели портреты Канта и Юма (и даже находясь в Москве, он просил свою мать Марцелину Иосифовну привезти их). См.: (Густав Шпет..., 2005, с. 20–21).

⁴ Portraits of Kant and Hume hung in his study (even while in Moscow, he asked his mother, Marcelina Iosifovna, to bring them). See: (Shchedrina, 2005, pp. 20-21).

ности Психологической семинарии Г. И. Челпанова. В ней обсуждались самые насущные тогда философские вопросы. Челпанов говорил в выступлении на торжественном открытом заседании Психологической семинарии 25 февраля 1903 г. по случаю пятилетия ее существования:

В нашем кружке, как и во всей русской интеллигенции, материализм и позитивизм, почти самодержавно властвовавшие, в последнее время уступили место философскому идеализму или, по крайней мере, тенденции дать себе ясный отчет в идеалистическом понимании мира. Это течение, нашедшее себе приют в нашем кружке, встретило для себя поддержку со стороны такого же течения в русской общественной мысли. В настоящий момент это течение является предметом всеобщего внимания благодаря появлению сборника «Проблемы идеализма», изданного Московским психологическим обществом. Такого сильного умственного напряжения, которое переживает в настоящее время русское общество, я, признаюсь, не запомню. Все производит такое впечатление, как если бы русской интеллигенции был поставлен настойчивый вопрос, на который она должна дать немедленный же ответ, вопрос, где истина, в идеализме или в позитивизме. Интеллигенция оказалась захваченной врасплох. Она не успела подготовиться к ответу. Вследствие этого умственное состояние настоящего времени можно характеризовать как состояние некоторого недоумения, я бы сказал, растерянности (Отчет..., 1907 с. 4).

В этом идейном контексте Шпет обращается к Канту и на том же торжественном заседании делает доклад «О социальном идеализме», где отчетливо формулирует тезис о том, что для понимания современной ему ситуации в научном (и в том числе социально-гуманитарном) познании необходимо вернуться к Канту. Вопрос об антиномии необходимости и свободы — вот что интересовало Шпета тогда (и остается ак-

the Psychological Seminary of Georgy I. Chelpanov where burning philosophical issues were discussed. Addressing the open session of the Psychological Seminary on 23 February 1903 to mark its fifth anniversary Chelpanov said:

In our circle, like among the whole Russian intelligentsia, materialism and positivism, which held almost unlimited sway, have lately been replaced by philosophical idealism or at least a tendency to give a clear account of the idealistic view of the world. This trend, which has found a place in our circle, met with the support on the part of a similar trend in Russian social thought. At present this trend is the subject of universal attention, thanks to the collection of articles, *Problems of Idealism*, published by the Moscow Psychological Society. I have to confess that I cannot remember the kind of intellectual tension that Russian society is experiencing at present. It is as if the Russian intelligentsia has been confronted with an insistent question it had to give an immediate answer to, the question of which is true, *idealism* or *positivism*. It caught the intelligentsia by surprise. It had no time to prepare itself for an answer. As a consequence, the mental state of our time can be characterised as a state of bewilderment and, I should say, confusion (cit. in Anonym., 1907, p. 4).

It was in this intellectual context that Shpet turned to Kant. At the same anniversary meeting Shpet delivered a speech “On Social Idealism” in which he articulated the thesis that it was necessary to return to Kant in order to understand the contemporary situation in science (including the social sciences and the humanities). What interested Shpet then (and remains relevant today) was the question of the necessi-

туальным сегодня). Этот вопрос, как указывал сам Шпет, «выдвинут на первый план, и естественно прежде всего обратиться для его разрешения к тому, кто впервые *поставил его* со всей резкостью и отчетливостью — к Канту. Если у него и не найдем его *разрешения*, то зато в его постановке будем исходить *все-таки от него*, *правильная постановка* вопроса ведь уже составляет *путь* к его решению» (Шпет, 2010в, с. 45).

А через год Шпет пишет обзор сборника статей, изданного немецкими исследователями к 100-летию со дня смерти Канта (Шпет, 1904; 2010г). Здесь он снова акцентирует внимание на том, что Кант еще по-настоящему не прочитан, а значит, и не понят. Он полагает, что необходимо посмотреть на кантовское наследие сквозь призму развития науки, которая стремится к расширению нашего знания о мире и о самих себе. Наибольший интерес в этом контексте у него вызвала статья Ф. Гемана «Философское наследство Им. Канта», в которой акцентируются метафизические сюжеты у Канта. Шпету такая интерпретация кантовских идей была наиболее близка. Ведь в докладе 1903 г. он констатировал, что «без введения метафизики в науку обойтись нельзя. Она богаче опыта, ибо ближе к жизни. Философский идеализм призван дать нам объективно обоснованный этический идеал, и мы должны пойти ему навстречу, осуществляя по дороге в царство целей все эмпирически возможные социальные идеалы» (Отчет..., 1907, с. 3). Созвучными оказываются и вопросы, которые Геман задает в этой статье самому себе и всем последователям кёнигсбергского мыслителя: «...во-первых, почему прямые последователи Канта настолько отклонились от самого Канта, что привели его собственную философию в забвение? Во-вторых, почему возрождение Кантовой философии еще не достигло своей действительной цели?» (Шпет, 2010г, с. 56).

Через год Шпет попытался осмыслить эти сюжеты в конкретном сочинении «Проблема

ty and freedom antinomy. The question, Shpet (2010c, p. 45) argued, “has been put to the fore and to resolve it, it would be natural to turn to Kant who was the *first to put it* in a very sharp and clear form. If we do not find a *solution* with him we would *still proceed from him*, for *putting a question correctly* is already a *step* towards its solution.”

A year later Shpet (1904; 2010d) writes a review of a German collection of articles to mark the centenary of Kant’s death in which he again stresses the fact that Kant has yet to be read (and hence understood) properly. He argues that Kant’s legacy should be seen through the prism of the development of science which seeks to expand our knowledge of the world and ourselves. In this context he is particularly interested in Friedrich Heman’s article “Immanuel Kant’s Philosophical Legacy” (“*Immanuel Kants philosophisches Vermächtnis*”) which focuses on Kant’s metaphysical ideas. Shpet could relate to such an interpretation of Kant’s ideas. In a 1903 report he stated that “[...] one cannot do without introducing metaphysics into science. It is richer than experience because it is closer to life. Philosophical idealism is called upon to give us an objectively grounded ethical ideal, and we should embrace it, implementing all empirically possible social ideals on the path toward the kingdom of ends” (cit. in Anonym., 1907, p. 3). Consonant with this statement are the questions Heman puts in this article to himself and all Kant followers: “[...] first, why have the avowed followers of Kant deviated from Kant so far as to consign his own philosophy to oblivion? Second, why has the revival of the Kantian philosophy failed to achieve its true goal?” (Shpet, 2010d, p. 56).

A year later Shpet made another attempt to come to grips with these questions in a com-

причинности у Юма и Канта» (Шпет, 1907)⁵, которое было удостоено золотой медали. Причем надо иметь в виду, что «проблема причинности, выбранная для анализа идей Юма и Канта, уже тогда волновала Шпета не столько как проблема общеэпистемологическая, сколько как философско-методологическая, выводящая его к проблемам обоснования знания в гуманитарных науках» (Пружинин, Щедрина, 2012, с. 134). Иначе говоря, Шпет не столько ведет историческую «беседу» с Юмом и Кантом, сколько спорит с современными ему неокантианскими учениями. Он конкретизирует этот аспект в лекциях по логике (Шпет, 2010б, с. 102–108), тематическая структура которых во многом заимствована у неокантианцев.

В 1907 г. Шпет начинает возвращаться в московских интеллектуальных кругах, где были в моде идеи Канта и неокантианцев. Белый вспоминал: «Шпетт тотчас завелся в “Эстетике”, как только приехал из Киева вместе с Челпановым, переведенный в Москву; в душе артист, — этот крепкий подкальыватель кантианцев при помощи Юма пенял: мое дело — стихи: ни к чему философия мне; с Балтрушайтисом, да и со мной, стал на “ты”; дружил с Метнерами; и его появление бодрило» (Белый, 1990, с. 216–217). И еще: «Кантианцы ходили на бой в тяжелых доспехах, издали выглядя Голиафами; но вот выходил Шпетт, как Давид, облеченный наготой скептицизма; он, сорвавши с себя, пускал шар кегельбанный: “трах” — лоб Голиафа кололся» (Там же, с. 277). В этих неформальных дискуссиях оттачивалась концепция «исторической философии» Шпета⁶. Именно в ее рамках, на

⁵ Опубликовано также в: Университетские известия. Киев: тип. Императорского ун-та св. Владимира, 1906. № 5. С. 1–16; № 6. С. 17–49; № 7. С. 51–82; № 12. С. 83–164; 1907. № 5. С. 165–203. Введение было опубликовано в сборнике трудов Психологической семинарии: (Шпет, 1905).

⁶ «Философия древней Греции широко открытыми глазами прежде всего созерцала самую себя в своем “настоящем”, она начинала с созерцания, и тут ее творчество было свободно и грандиозно; ее память не была обременена, — мир для нее был свеж и юн. Мы начинаем с памяти, с “преданий”, мы видим свой мир сквозь “пыль веков”; “преданья старины глубо-

petition paper, “The Problems of Causality in Hume and Kant” (Shpet, 1907),⁵ which won the gold medal. And it has to be borne in mind that “the problem of causality, chosen for the analysis of the ideas of Hume and Kant, already at that time engaged his mind not so much as an epistemological problem in general as a philosophical methodology problem which would pave the way toward grounding knowledge in the humanities” (Pruzhinin and Shchedrina, 2012, p. 134). In other words, Shpet does not so much conduct a historical “conversation” with Hume and Kant as argue with contemporary Neo-Kantian teachings. He elaborates on this aspect in his lectures on logic (Shpet, 2010b, pp. 102-108) much of whose thematic structure has been borrowed from Neo-Kantians.

In 1907 Shpet began circulating in Moscow’s intellectual milieu where Kant and Neo-Kantians were in vogue. Andrei Bely (1990, pp. 216-217) recalled: “Shpet became associated with ‘Aesthetics’ as soon as he came from Kiev together with Chelpanov, having been transferred to Moscow; an artist in his soul, this strong teaser of Kantians used Hume to argue: ‘my business is poetry; I have no need for philosophy’; he got to be on first-name terms with Baltrušaitis, and with myself; he befriended the Metners; his appearance was refreshing.” And elsewhere: “The Kantians entered the battle in heavy armour looking like Goliaths; Shpet was a David clad in the nakedness of skepticism; he throws the bowling ball: ‘bang’ — and Goliath’s skull splits” (*ibid.*, p. 277). In these informal discussions Shpet honed his concept of “historical philosophy”.⁶ This discussion brings

⁵ The same was published in: University Newsletter (Kiev, the Imperial St. Vladimir University Press), 1906, № 5, pp. 1-16; № 6, pp. 17-49; № 7, pp. 51-82; № 12, pp. 83-164; 1907, № 5, pp. 165-203. The introduction was published in Shpet (1905).

⁶ “The philosophy of ancient Greece looked with wide-open eyes above all at itself in its ‘present’, starting with intuition, and there its creative endeavour was free and

мой взгляд, наиболее отчетливо проступает смысл критических замечаний Шпета Канту.

Для Шпета Кант выступает как «собеседник» Платона, а еще, в других контекстах, — Юма, Гердера, Шеллинга и др. Ведь «историческая философия» — это бесконечный «разговор», вечное «Да» и «Нет» положительной и отрицательной интеллектуальных традиций. Родоначальником положительной философии выступал для Шпета Платон, а отрицательной — Кант: «Величайшим “Да” и “Нет” философии из когда-либо высказанных ею является антитеза Платона и Канта, потому что она касается самих начал во всем их всеобъемлющем смысле» (Шпет, 2010а, с. 280). Шпет видит наше отличие от античных мыслителей в том, что мы пробиваемся к сущему сквозь напластования исторического опыта. Мы живем в истории, которая окружает нас, и потому должны понимать реальность не как нечто раз и навсегда данное, но меняющееся, динамичное, то есть как поток истории, из которого каждый человек вырезает кадры, составляя свою индивидуальную, неповторимую экзистенциальную и интеллектуальную историю. Каждая из этих «историй» уникальна, единственна, конкретна.

Такое отношение Шпета к Канту (критическое, с одной стороны, и историческое — с другой) было типичным для русской, причем не только религиозной, философии (см. об этом: Ахутин, 1990). Шпет продолжает русскую интеллектуальную традицию (Шпет, 2009, с. 52) и вслед за Юркевичем ставит вопрос о том, как

кой” — для нас подчас единственный источник, и всегда близкий, необходимый. Мы смотрим на одно с античным миром, но *παντα ρει* для нас имеет новое содержание и новый смысл: для нас это — поток вещей и людей, трудов и дней, веков и народов. Поток, который пронесется перед *нашим* умственным взором, есть прежде всего *поток истории*. ...В этом смысле наша философия становится по преимуществу *исторической философией*, — и чем больше она будет проникаться идеей конкретного, как исторического, тем более она будет становиться исторической философией» (Шпет, 2005а, с. 195–196).

out most clearly the meaning of Shpet’s objections to Kant.

Shpet sees Kant as an “interlocutor of Plato” and also — in other contexts — of Hume, Herder, Schelling and others. Indeed, “historical philosophy” is an endless “conversation”, an eternal “Yes” and “No” of position and negative intellectual traditions. According to Shpet (1997, pp. 49-50; cf. 2010a, p. 280), the progenitor of positive philosophy was Plato and of negative philosophy, Kant: “The greatest ‘Yes’ and ‘No’ of philosophy, of anything it has ever stated, is the antithesis between Plato and Kant, because this antithesis touches on the very principles of philosophy in their full, all-embracing meaning.” According to Shpet, we differ from antique thinkers in that we make our way toward that which has being through layers of historical experience. We live in history which surrounds us and so we should understand reality not as something given once and for all, but as something changing, dynamic, that is, as the flow of history from which each person cuts out frames making up their individuality, a unique existential and intellectual history. Each of these “histories” is unique, of its own kind, concrete.

Shpet’s attitude to history — critical on the one hand and historical on the other — was typical of Russian (and not only religious) philosophy (cf. Akhuntin, 1990). Shpet (2009, p. 52) continues the Russian intellectual tradition and, following Yurkevich (1865; cf. Shpet, 2009,

grandiose; its memory was unencumbered — its world was fresh and young. We begin with memory, with ‘lore’, we see the world through ‘the dust of ages’, ‘the lore of ages long gone by’ is for us often the only source, always close and necessary. We look at the same things as the ancient world, but *παντα ρει* carries for us a new content and a new meaning: for us it is a flow of things and people, labours and days, ages and peoples. The flood that rushes before *our* mental gaze is above all *the flow of history* [...] in that sense our philosophy becomes predominantly *historical philosophy*, and the more it will become imbued with the idea of the concrete as historical the more it will become historical philosophy” (Shpet, 2005, pp. 195-196).

идеи приобретают социальный и культурно-исторический облик (см.: Юркевич, 1865; ср.: Шпет, 2009, с. 306–361). Для этого он сопоставляет в лекциях по теории познания эпистемологические идеи Платона и Канта. Платон утверждает наличное бытие, а Канта интересуется субъект, который находится с бытием в особых отношениях. В процессе сравнения позиций Канта и Платона Шпет выделяет пять критериев, лежащих в основании их разногласий, и показывает, что только философия может позволить «разговаривать» через века даже таким антагонистам, как Платон и Кант.

Шпет формулирует следующие основные принципы Платона,

в которых раскрывается утверждаемое им начало безусловной истины: а) истина для него предметна и усматривается нашим разумом в идее; б) высший принцип всякого утверждения истины есть «то ж» в ней, т. е. принцип тождества; в) полнота истинного бытия, познаваемая как конкретная целостность общего; д) идея выражает его сущность и всякое бытие утверждается через причастность ей или участие в ней; е) идея конечной сущности, блага разумна, так что за разумом сохраняется его автономия (Шпет, 2010а, с. 280).

Аналогичным образом Шпет представляет «основное начало Канта, законодательство субъекта», которое раскрывается в следующем виде:

а) в начале познания лежит софизм, выраженный в дилемме: или предметы, или представления, отрицание первой части дилеммы дает утверждение второй; б) тождество есть принцип аналитических суждений, не расширяющих нашего знания, синтетические суждения имеют своим принципом «я мыслю», а не высказывают истину; в) общие положения нашего знания имеют абстрактный характер и представляют собою не высказывания об истине, а общеобязательные суждения, истинность которых тем более,

pp. 306-361), asks how ideas acquire a social and cultural-historical character. To this end, in his lectures on the theory of cognition he compares the epistemological ideas of Plato and Kant. While Plato affirms being as it is, Kant is interested in the subject who is in a special relationship with being. In comparing the positions of Kant and Plato, Shpet identifies five criteria that underlie their differences and shows that philosophy alone can enable even such antagonists as Plato and Kant to “converse” across the ages.

Shpet (1997, p. 50; cf. 2010a, p. 280) formulates the following fundamental principles of Plato’s,

in which is revealed the basis [*nachalo*] of unconditional truth that he affirms: (a) for Plato truth is objective and is perceived by our reason in the idea; (b) the highest principle of any statement of truth is “the same” in it, that is, the principle of identity; (c) the fullness of true being, cognized as the concrete integrity of the general; (d) an idea expresses its essence, and all being is established through partaking in it or participating in it; (e) the idea of the finite essence of the good is rational and thus the autonomy of this good is preserved in reason.

Similarly, Shpet (1997, p. 50; 2010a, p. 281) represents “the main principle of Kant, the subject laying down the law,” in the following way:

(a) At the beginning of knowledge is a sophism expressed in a dilemma: either objects or representations – the negation of the first part of the dilemma is an affirmation of the second part; (b) identity is the principle of analytical judgments, which do not expand our knowledge – synthetic judgments have as their principle “I think” but do not express truth; (c) the general propositions of our knowledge have an abstract character and are not statements about truth but are universally binding judgments, the truth value of which is

чем они дальше от действительности; d) как источник познания идея антиномична и может играть только роль регулятивного принципа, в роли конститутивного принципа она приводит только к иллюзиям; e) выход из антиномичности разума лежит в отрицании его автономии и через признание его благодати (Там же, с. 281).

Однако, формулируя эти принципы, Шпет отдает себе отчет в том, что это лишь схематизация исторического опыта, и продолжает работать так, чтобы «идея» обрела историческую плотность, конкретность. Этот процесс «оплотнения» идеи особенно хорошо виден в первой части диссертации «История как проблема логики» (далее — «ИКПЛ»). Шпет посвящает Канту специальную главу и, сопоставляя его идеи с философией истории Гердера, приходит к выводу:

У Канта *нет перехода* от эмпирической действительности к миру должноствования, и отнесенная в этику философия истории тем самым и методологически отрывается от почвы логики: от общей логики и методологии к логике истории также нет перехода. Изложенный методологический промах Канта — один из главных пунктов расхождения Канта с Гердером, исходившим также из иных логических представлений об историческом методе (Шпет, 2014, с. 319).

Возможно, этот разрыв между «теоретическим» и «практическим» у Канта произошел потому, что он по-своему интерпретировал «идею» Платона, о чем неоднократно писали исследователи его творчества (см., напр.: Баум, 2019). То есть в первой части диссертации антитеза «Платон — Кант» проясняется, приобретает историческую конкретность. Примечательно, что Шпет не только концептуализирует «историческую философию», но и сам следует по ее пути, а потому антитезу «Платон — Кант» он рассматривает изнутри культурно-исторического сознания, то есть, если говорить в терминах исторической науки, в контексте философской историографии. Позволим себе большую цитату:

greater the further they are from reality; (d) as a source of cognition, an idea is antinomic and can only play the role of a regulatory principle; in the role of a constitutive principle it leads only to illusions; (e) the way out of the antinomies of reason lies in the negation of its autonomy and through the recognition of its value.

However, in formulating these principles Shpet is conscious that this is merely schematisation of historical experience and continues to work to make “the idea” historically concrete. This process of the “fleshing out” of the idea is particularly evident in the first part of the dissertation *History as a Problem of Logic* (elsewhere *HAPL*). Shpet (2014, p. 319) devotes a separate chapter to Kant, comparing his ideas to the philosophy of Herder and coming to this conclusion:

Kant has *no transition* from empirical reality to the world of the ought and the philosophy of history, being referred to ethics, is thereby detached from the soil of logic: nor is there a transition from general logic and methodology to the logic of history. The above methodological slip of Kant’s is one of Kant’s main points of difference with Herder, who also had different logical ideas about the historical method.

One can perhaps attribute Kant’s gap between the “theoretical” and the “practical” to the fact that he interpreted Plato’s “idea” in his own way (as Kant scholars repeatedly pointed out (see, for example, Baum, 2019)). Indeed, in the first part of the dissertation the Plato-Kant antithesis is clarified and made historically concrete. Significantly, Shpet does not merely conceptualise “historical philosophy” but, following its path himself, considers the Plato-Kant antithesis from within the cultural history consciousness, that is — to use the terminology of historical science — in the context of philosophical historiography. We will permit ourselves a long quotation:

Иногда Канту ставят в особую заслугу то обстоятельство, что он сделал попытку восстановить подлинный, платоновский смысл термина «идея» и таким образом способствовал устранению той неопределенности в употреблении этого термина, которая господствовала в философии XVIII века. У самого Канта этот термин приобретает хотя и далеко не платоновское значение, но некоторыми сторонами все же соприкасается с последним, поскольку у Платона, во всяком случае, *идеи* присущи и регулятивное значение. И поскольку речь идет о терминах *как словах*, Кант, бесспорно, вносил своим распределением не только твердый порядок в терминологию, но вместе с тем с пользой для философии противодействовал укоренению термина английской философии, *idea*, обозначающего простое «представление», а не продукт *разумного* усмотрения. Но если посмотреть на дело по существу, то окажется, 1, что ограничение «идеи» разумно-регулятивной функцией совершено Кантом произвольно и вопреки традициям положительной философии, 2, что поэтому «заслуга» Канта не простирается дальше распределения *слов*, так как *значение* термина «идея» в философии XVIII века, именно в рационалистической философии, *не было утеряно*, а напротив, поддерживалось очень настоятельно. Кант этого не заметил, и по очень простой причине, потому что значение платоновской идеи *как предмета непосредственного разумного, через Ratio, усмотрения, сохранилось в том самом понятии ratio*, которое Кант устранял уже в своей докритической философии. Для его же критической философии понятие идеи как регулятивного принципа является коронным понятием (Шпет, 2014, с. 358).

Исследуя «кантовский сюжет» в интеллектуальной биографии Шпета, мы не должны забывать о том, что «мыслительные» часы опережают «издательские» (причем, в случае со Шпетом, довольно основательно). Шпет публикует первую часть диссертации в 1916 г., но пишет ее гораздо раньше. К моменту отъезда в заграничную командировку (весной 1912 г.) эта часть была практически закончена. В Гёттингене он принимается за вторую, где в центре

Kant is sometimes credited with having attempted to restore the genuine, Platonic, meaning of the term “idea” and thus contributed to eliminating the uncertainty in the use of that term which prevailed in the eighteenth-century philosophy. With Kant himself the term acquires a meaning that, though being far from that of Plato, shares some aspects with the latter because with Plato *idea* has, among other things, a regulative meaning. As long as terms are discussed *as words* Kant undoubtedly with his distribution did not only introduce strict order into terminology, but at the same time benefited philosophy by resisting the establishment of the English term *idea* which simply meant “representation” and not a product of *reason*. But if we look into the essence we find that 1, Kant limited “idea” to the reasonable regulative function arbitrarily and contrary to the traditions of positive philosophy and 2, Kant’s “contribution” therefore does not go beyond the distribution of *words* because the *meaning* of the term “idea” *had not been lost* in the eighteenth-century rationalist philosophy but, on the contrary, was scrupulously observed. Kant did not notice this for the very simple reason that the meaning of Plato’s *idea as the object of immediate reasonable observation through Ratio, survived in the very concept of ratio* which Kant eliminated already in his pre-critical philosophy. For his critical philosophy the concept of the idea as a regulative principle takes pride of place (Shpet, 2014, p. 358).

Investigating the “Kantian presence” in Shpet’s intellectual biography, we should bear in mind that the lag between “thinking” and “publishing” can be very considerable (as in Shpet’s case). He published the first part of his dissertation in 1916, but he wrote it much earlier. By the time he went on his trip abroad (spring 1912) that part had been practically completed. In Göttingen he starts the second part which is focused on the ideas of

его внимания идеи Вундта, Зигварта, Дильтея, Риккерта. Осенью 1912 г. происходит его знакомство с Гуссерлем, который выступил в качестве теоретического катализатора для словесного «оформливания» (выражения мысли в слове) «исторической философии» Шпетта. Шпет был захвачен феноменологическими идеями Гуссерля, с ними он связывал возможность переосмысления Канта, который пытался вернуть бытийный статус субъекту познания. Более того, судя по его собственным эпистолярным признаниям, Шпет искал истоки феноменологического мышления в истории философии и он видит их в Платоне. Во второй части «ИКПЛ» Шпету снова нужен Кант как «собеседник». Но его уже больше интересует отношение «Кант — Гуссерль». В Гуссерле Шпет видел представителя положительной философии. В книге «Явление и смысл» (1914), которая была написана вслед гуссерлевским «Идеям к чистой феноменологии и феноменологической философии», Шпет показал, в чем он видит интеллектуальную заслугу Канта. Вновь позволим себе большую цитату:

...положительная философия часто выражалась как в решении, так и в постановке своих задач, если и не неправильно, то во всяком случае *неполно*. Обращая все свое внимание на решение проблемы о бытии, с первых же своих шагов (Платон) она находит различие между действительным и идеальным бытием, равно как и между различными видами каждой из этих форм бытия, но она оказывается *неполной* в том смысле, что она не обратила должного внимания на бытие самого познающего субъекта. Именно этот пробел и использовала с таким успехом негативная философия. Но этот пробел превращался нередко прямо в недостаток, в ошибку, когда положительная философия пыталась представить бытие познающего субъекта как эмпирическое действительное бытие, потому что таким образом в положительную философию в форме по большей части психологизма, но

Wundt, Sigwart, Dilthey and Rickert. In the fall of 1912 he met Husserl who became the theoretical catalyst for the “articulation” of Shpet’s “historical philosophy”. Shpet was captivated by Husserl’s phenomenological ideas which he thought could be instrumental in reinterpreting Kant, who had tried to restore the being-related status of the subject of cognition. Moreover, judging from his letters, Shpet sought to trace the origin of phenomenological thinking in the history of philosophy to Plato. In the second part of *HAPL* Shpet again brings in Kant as an “interlocutor”. But he is now more interested in the Kant-Husserl relationship. Shpet saw Husserl as a representative of positive philosophy. In the book *Appearance and Sense* (1914), written on the heels of Husserl’s *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy* Shpet showed what he considered to be Kant’s intellectual contribution. Once again, a long quotation is in order:

[...] positive philosophy,⁷ both in its solutions as well as in the formulations of its problems and tasks, often manifested itself, if not erroneously, then in any case at least *incompletely*. Turning all of its attention to the solution to the problem of being, positive philosophy discovered with its first steps (Plato) the distinction between actual and ideal being as well as that between the various types of each of these forms of being. Positive philosophy, however, turns out to be *incomplete* in the sense that it has not accorded proper attention to the being of the cognizing subject itself. It is precisely this deficiency that negative philosophy has taken advantage of with such success. Positive philosophy attempted to present the being of the cognizing subject as an actual, empirical being. But in doing so it often transformed its deficiency into a shortcoming, a mistake. For in doing so that

⁷ Shpet invests the term “positive philosophy” with a different meaning than the representatives of Positivism.

и натурализма вообще, проникал тот самый недостаток — только с другим знаком, — который лежит в основе «теории познания». И именно Кант тем и занял свое крупное место в истории философии, что он усматривал, иногда даже кажется, что ясно видел, особое, не-эмпирическое и не-действительное, бытие субъекта познания.

Развитие положительной философии, таким образом, стало возможно в двояком направлении: заполнение указанного пробела и дальнейшая разработка завещанного веками, а вместе с тем освобождение от софизма через признание одним из вопросов «первой» философии вопроса о *бытии* познающего разума; дальнейший путь — через установление отношения этого вида бытия к другим видам и формам его и, таким образом, возвращение к положительной философии. Именно этим путем, сколько я понимаю, и идет Гуссерль (Шпет, 2005б, с. 47).

Здесь для нас важна не только констатация «заслуг» Канта, но и то, в чем Шпет видит ограниченность его концептуальных установок. Он полагает, что Кант как «нашел», так и «потерял» бытие познающего субъекта, причем в силу того, что в основе его рассуждений лежит «софизм». Суть этого софизма — противопоставление «предметов» и «представлений». Именно к этой теме Шпет долго и основательно готовился. В подготовительных материалах ко второй части «ИКПЛ» Шпет раскрывает тему, которая его волновала со студенческой скамьи.

В архиве Елены Владимировны Пастернак сохранились заметки Шпета о Канте, о софизме в его философии. Они соотносятся с тематикой, которую Шпет развивал во второй части «ИКПЛ». Казалось бы, зачем нам сегодня нужны черновые заметки Шпета, если логика его рассуждений о Канте достаточно отчетливо прорисована им самим в опубликованных произведениях?

very shortcoming, which, only with a different sign, underlies the “theory of knowledge”, penetrated into positive philosophy in the form, for the most part, of psychologism, though also in the form of a naturalism in general. Kant secured his outstanding position in the history of philosophy precisely by the fact that he discovered, sometimes even seems to have clearly seen, the peculiar, non-empirical and non-actual being of the subject of cognition.

Thus the development of positive philosophy could proceed along a two-stage path. It could make up the deficiency mentioned above by acknowledging as one of the problems of “first” philosophy the problem of the *being* of cognizing reason. In this way it further elaborates its inheritance from past ages while at the same time liberating itself from sophistry. The subsequent way is through establishing the relation of the being of cognizing reason to the other types and forms of being, and so it effects a return to positive philosophy. As I understand it, Husserl follows precisely this path (Shpet, 1991, pp. 10-11).

What is important here is not only the giving of credit to Kant but also the fact that Shpet sees the limitations of his conceptual framework. He believes that Kant first “found” and then “lost” the being of the cognizing subject, and he did so because his reasoning was based on “sophism”. The essence of the sophism is the juxtaposition of “objects” and “representations”. A long and thorough preparation led him to this theme. In the preparatory materials for the second part of *HAPL* Shpet tackles the theme that had engaged his mind since his undergraduate days.

Shpet’s notes about Kant and sophistry in his philosophy survive in the archive of Yelena Vladimirovna Pasternak. They correspond to the themes Shpet elaborated in the second part of *HAPL*. One may wonder why we need Shpet’s rough notes today if the logic of his thinking about Kant is clearly stated in his published works anyway.

Прежде всего эти заметки представляют историко-философский интерес, открывая нам творческую лабораторию мыслителя, его оппонентный круг, идеальную библиотеку и сферу разговора. Кроме того, они безусловно привносят такие нюансировки в рассуждения Шпета о Канте, которые отсутствуют в опубликованных произведениях (прослеживаются логические цепочки, становится явной логика его аргументации). И еще. Вчитываясь в архивные материалы, посвященные проблеме субъект-объектной корреляции, начинаешь понимать истоки и основания современных философско-методологических проблем. Так, дилемма «воспроизведение — творчество», как ее формулирует Шпет, способствует выявлению новых аспектов в проблеме воспроизводимости научного знания.

Заметки публикуются по рукописному оригиналу, хранящемуся в домашнем архиве семьи Шпета. Заметки находятся в синей папке, в правом углу которой литера Б обведена простым карандашом. Сквозная нумерация отсутствует. Если судить по почерку, которым написаны заметки, то их написание можно датировать между 1912 и 1917 гг.

Курсивом выделены слова и фразы, подчеркнутые в рукописи один раз; подчеркнутые дважды даны полужирным курсивом; подчеркнутые волнистой чертой выделены полужирным шрифтом. Многочисленные сокращения Шпета раскрыты без специальных указаний.

В угловых скобках даны слова, для которых возможно двойное прочтение. Квадратные скобки принадлежат Шпету.

Постраничные примечания публикаторов даны в угловых скобках. Разрозненные заметки в публикации отделяются друг от друга звездочками. Авторская пунктуация приближена к современной. Название дано публикаторами.

First and foremost, these notes are of historical-philosophical interest as they give us a glimpse of the thinker's creative laboratory, the circle of his opponents, *bibliothèque idéale* and the sphere of the conversation. Besides, they contain nuances in Shpet's thinking about Kant that are absent in his published works (logical chains are traced and the logic of his argumentation is revealed). And one more thing: Reading the archive materials devoted to the problem of the subject-object correlation, one begins to understand the sources and grounds of modern philosophical methodological problems. For example, the "reproduction — creation" dilemma as formulated by Shpet offers new insights into the problem of reproducibility of scientific knowledge.

The notes reproduce the handwritten original in the custody of the Shpet family archive. The notes are in a blue folder which has the letter B encircled with a graphite pencil in its right corner. Continuous paging is absent. Judging from the handwriting, the notes were written in the period between 1912 and 1917.

Words and phrases underscored with one line are in italics; those underscored with two lines are in semi-boldface italics; those underscored with a wavy line are in semi-boldface type. Shpet's numerous abbreviations are written out without any indications.

Words that lend themselves to dual reading and that have been added by publishers are in angle brackets. Square brackets belong to Shpet.

Publishers' page notes are in angle brackets. Shpet's notes are divided by asterisks. The author's punctuation has been brought closer to modern usage. The title belongs to the publishers.

Г. Г. Шпет
<Заметки о Канте>

Иногда кантовскую дилемму, — основываясь, впрочем, на самом Канте, — толкуют в смысле корреляции: объект—субъект. Такое толкование особенно интересно тем, что оно само по себе уничтожает уже «дилемму», <так> что *на место* дилеммы утверждается корреляция. И действительно, при отрицании обоих членов дилеммы: «вещь» — «представление» остается утверждать корреляцию, хотя и не объект—субъект, а *сознания и предмета, на который оно направлено*. Ибо субъект сам есть объект и оба — «предметы»⁷.

Далее, формально дилемма Канта имеет еще такой вид: *воспроизведение — творчество (произведение)*. Но очевидно, что это такая же дилемма, как между всяким актом и его повторением. Дилемма была бы: *(вос)произведение или данность*. То есть репрезентативизм или презентативизм, — формально, как дилемма, она страдает тем же недостатком, что кантовская, но так формальная⁸ она решает вопрос: как *прежде* воспроизведения — произведение, так *прежде* обоих — данность. Не заметив этого, Кант невольно сам становится на точку зрения репрезентативизма там, где творчества и он допустить не может — в трансцендентальной эстетике. Тут под давлением необходимости выбора в дилемме он, не будучи в состоянии допустить творчество, вынужден утверждать воспроизведение, и «вещь в себе» для него становится настоящей необходимостью.

⁷ <Ср.: «Смысл — не вещь, а *отношение* вещи (называемой) и предмета (подразумеваемого)» (Шпет, 2007, с. 244).>

⁸ <Так в тексте.>

G. G. Shpet
<Notes on Kant>

Sometimes the Kantian dilemma — taking the cue from Kant himself — is interpreted in terms of the object-subject correlation. This interpretation is particularly interesting because it basically eliminates the “dilemma” <such> that a correlation is affirmed *in place* of the dilemma. And indeed, when both terms of the “thing-representation” dilemma are renounced it remains to affirm a correlation, though not between object and -subject, but between *consciousness and the object at which it is directed*. Because the subject is itself an object and both are “objects”.⁸

Further, formally the Kant dilemma looks like this: *reproduction-creation (production)*. But obviously it is the same dilemma as that between any act and its repetition. The dilemma would be: *(re)production or a given*. That is, representativism and presentativism, — formally, as a dilemma it has the same shortcoming as Kant’s but thus formal⁹ it solves the issue: reproduction *precedes* production and likewise givenness precedes both. Overlooking this, Kant involuntarily himself takes the standpoint of representativism where even he cannot allow creation — in transcendental aesthetics. Here, under pressure to make a choice in the dilemma, not being able to allow creativity, he has to affirm reproduction, and “the thing in itself” becomes imperative for him.

⁸ <Cf. “Meaning is not a thing, but a *relation* between the thing (being named) and the object (implied)” (Shpet, 2007, p. 244).>

⁹ <sic!>

Софизм Канта и рационализм. Реализм⁹

Вот еще что интересно в софизме Канта. Либо представления сообразуются с вещами, либо обратно. Он становится на последнюю точку зрения. Но *кого* он отвергает? Беркли и Юм, пусть по его мнению неудовлетворительно, но подошли к нему. Он все-таки их отвергает, чтобы быть оригинальным. Но еще вопрос: *кого* он отвергает в первом члене дилеммы? Догматиков-рационалистов? Но ведь *ничего подобного!* Это — ложное истолкование их по типу наивного реализма; уже у Декарта внешние причины не суть причины наших идей,

⁹ <На полях карандашом:> Из комедии Детуша. См. Троицкий, Н. о д. II, 4 п.

<Шпет здесь указывает сокращенно на труд М. М. Троицкого «Наука о духе. Общие свойства и законы человеческого духа». Но во втором томе этого труда на с. 4 нет примечания. Шпет, вероятно, цитировал по памяти название книги Троицкого и ошибся. Шпет имел в виду книгу Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии», где такое примечание есть и речь в нем идет именно о комедии Детуша. Приведем этот отрывок с примечанием из книги Троицкого полностью, поскольку он очень показательно иллюстрирует мысль Шпета. Троицкий пишет: «Когда система Локка была узана во Франции, она увлекла за собой всех туземных исследователей духа; гораздо более, критицизм Локка сделался во время модною страстью всех образованных французов и нашел свое воспроизведение в театральных пьесах*. *На одну из таких пьес указывает Д. Стюарт. В комедии *Fausse Agnès* Детуша, автора, умершего в 1754-м году, героиня пьесы защищается перед комическим трибуналом манерами и даже выражениями локковой критики: “Вы хотите меня судить, — говорит она, но чтобы судить здраво, нужно иметь много знаний, притом еще сомнительно, есть ли знания достоверные... Итак, прежде чем вы произнесете надо мной приговор, я прошу предварительно исследовать вместе со мной наши знания вообще, степени этих знаний, их пределы, их действительность; — согласиться в том, что такое истина, и есть ли она действительно; после того мы поведем рассуждение о всеобщих предложениях, об общих правилах, о предложениях легкомысленных и о слабости и твердости нашего просвещения... Некоторые считают за истину, что человек рождается с известными врожденными началами, известными первоначальными понятиями, известными чертами, которые как бы напечатлены на духе, с первой минуты его существования. Я давно разбирала это мнение и беру его оспорить, опровергнуть, уничтожить... и т.д. и т.д.” (*Fausse Agnès*. Act. III. sc. 2). *D. Stewart*: Histoire abreg. d. scien. metaph. trad. par Buchon. Part. II. p. 270» (Троицкий, 1883, с. 4—5).>

Kant's sophism and rationalism. Realism¹⁰

Here is another interesting thing about Kant's sophism. It is either representations correspond to things or vice versa. He takes the latter view. But *whom* does he reject? Berkley and Hume would suit him, though not, in his opinion, in an entirely satisfactory way. And yet he rejects them in order to be original. And one more question: *whom* does he reject in the first term of the dilemma? Dogmatic rationalists? *Nothing of the kind*. It is a false interpretation of them in the spirit of naive realism; already with Descartes external causes are not the causes of our ideas since the latter are inborn; even more so with Spinoza where there are two independently corresponding orders; still more

¹⁰ <On the margin with pencil:> From a Destouches comedy. See Troitsky, S. of S. II, 4 p.

<Shpet here refers in abbreviated form to Matvei M. Troitsky's book *The Science of the Spirit. General Properties and Laws of the Human Spirit*. But there is no note on page 4 of volume two of that work. Apparently, Shpet was quoting the title of the book from memory and made a mistake. He had in mind Troitsky's book *German Psychology in the Current Century* which has such a note mentioning a Destouches comedy. I will quote the whole passage with the note from Troitsky's book because it is indicative of Shpet's thought. Troitsky (1883, pp. 4-5) writes: “When Locke's system became known in France it carried away all the local researchers of the spirit; moreover, Locke's critique became a fad of all educated French people and was reflected in theater plays”. D. Stewart points to one such play. In the comedy *Fausse Agnès* by Destouches, an author who died in 1754, the heroine defends herself before a comical tribunal in the manner and even the language of Locke's critique: ‘you want to judge me, she says, but in order to judge fairly one must have a lot of knowledge, and then it is not certain if the knowledge is accurate... So, before you pass your sentence I ask you to first join me in taking a hard look at knowledge in general, the degree of this knowledge, its limits, its authenticity; — and agree on what is truth, and does it exist at all; then we shall talk about universal propositions, general rules, about light-hearted propositions, about the weakness and firmness of our education... Some consider it to be the truth that man is born with certain innate properties, known basic principles, known features which are imprinted on the spirit, as it were, from the first minute of one's existence. I have long been studying this view and I can challenge, refute and demolish it... etc., etc.’ (*Fausse Agnès*. Act. III. sc. 2). *D. Stewart*: Histoire abreg. d. scien. metaph. trad. par Buchon. Part. II. p. 270.”>

раз последние врождены; тем более у Спинозы, где два независимо согласующихся порядка; еще более у Лейбница, у которого монада *не имеет окон*¹⁰. Итак, тут Кант отвергает точку зрения *наивного реализма*. Но сам становится на почву рационализма. Другими словами, он не разрешил поставленной рационализмом проблемы. Но он «объединил» идеализм как рационалистов, так и эмпириков. Оказалось, что *вся философия* пришла к субъективизму, оказавшемуся во втором члене дилеммы. Остаются два пути: углубление в имманентизм (начал Фихте) или интуитивизм (начал, вероятно, Рид)¹¹. Первое негативно и есть методология феноменализма, второе — положительно и есть методология реализма. Методология феноменализма есть теория познания. Методология реализма есть просто логика, но она должна иметь основания в описании, что есть феноменология.

*Презентативизм и репрезентативизм.
Реализм. Кант*¹²

В споре между реализмом и феноменализмом (идеализмом, субъективизмом) существенно различать два взгляда: *презентативизм* и *репрезентативизм*.

Наивное сознание, наивный реализм стоит на почве презентативизма, для него мир есть то, что и его представления. Первая же *теория* разделяет то и другое, создает дуализм, где непременно появляется, с одной стороны, «воспроизведение». Таким образом, наивный реализм остается действительно до-теоретическим. Кто хочет так и остаться на этой почве, должен не покидать презентативизма. По-видимому, тут двоякий путь: или солипсизм,

¹⁰ «Зеркало Вселенной» есть монада, а не человек! И в этом зеркале отражаются монады и их развитие, а не «внешние» предметы.

¹¹ Хотя уже Спиноза, по-видимому, видел этот третий источник.

¹² <Далее дописано карандашом:> Декарт — Локк — Лейбниц.

so with Leibniz with whom the monad *has no windows*¹¹. Thus here Kant rejects the view of *naive realism*. But he himself takes the standpoint of rationalism. In other words, he has not resolved the problem posed by rationalism. But he “bracketed together” the idealism both of rationalists and empiricists. Thus, *all* philosophy arrived at subjectivism which ended up in the second term of the dilemma. There remain two paths: immersion either in immanentism (started by Fichte) or intuitivism (probably started by Reid).¹² The former is negative and is the methodology of phenomenism, and the latter is positive and is the methodology of realism. The methodology of phenomenism is the theory of cognition. The methodology of realism is simply logic, but it must have grounds in description, which is phenomenology.

*Presentativism and representativism.
Realism. Kant*¹³

In the argument between realism and phenomenism (idealism, subjectivism) it is important to distinguish two views: *presentativism* and *representativism*.

Naive consciousness, naïve realism takes the standpoint of presentativism, it considers the world to be the same as its representations. The former *theory* separates the two and creates dualism where on the one hand “reproduction” inevitably appears. Thus naïve realism remains indeed pre-theoretical. He who wants to remain on this ground should not abandon presentativism. There seem to be two ways: either solipsism, or a transition to the

¹¹ “The Mirror of the Universe is a monad, not a person. This mirror reflects the monads and their development, and not ‘external’ objects.

¹² Although already Spinoza apparently saw this third source.

¹³ <Further added by pencil:> Descartes — Locke — Leibniz.

или переход к трансцендентному должен быть найден. Но солипсизм есть только последовательная и завершающая точка зрения субъективизма. Всякий иной субъективизм, по существу, половинчат, и в силу этого необходимо превращается в дуализм и репрезентативизм. У Канта творчеством законов природы обладает рассудок, но в чувственных интуициях — полный дуализм и репрезентативизм, «аффицирование». Поэтому Кант даже и не коперниканство затеял, а самое большое «подвиг» Тихо-де-Браге¹³.

Названия презентативизм и репрезентативизм — лучше, чем, например, реализм и идеализм, потому что последние смешиваются с метафизическими вопросами о природе сущего.

Представители чистого дуализма — Декарт, Спиноза, Лейбниц, также Локк, Беркли — к солипсизму. Кант — эклектичен.

Философия. Метафизика. Реализм.

Первоначальное сознание знает, вообще говоря, только один вопрос: *что есть?* Этот вопрос влечет вопросы: как, почему и зачем, — объяснение и уразумение. Религиозное, из которого выходит — 1, научное, 2, философское. Первое *остаётся* догматическим, второе *начинает* с догматизма: на место наивного реализма — *теория* наивного реализма, по существу *дуализм*. Дуализм имеет два выхода: *субъективизм* или *объективизм*. Первое: психологизм, имматериализм, идеализм; второе: натурализм, реализм. Создается новая и ложная проблема: отношение познавательного процесса и познаваемой вещи. Это разделение остаётся *неизбежной* предпосылкой. Преодолеть субъективизм имманентно и положительно можно через объективизм, показав, что есть три возможности, — так Frischeisen-Köhler¹⁴, New-

¹³ <Следующие два абзаца — карандашом.>

¹⁴ <Шпет имеет в виду книгу: (Frischeisen-Köhler, 1912).>

transcendental must be found. But solipsism is only a consistent and crowning viewpoint of subjectivism. Any other subjectivism is essentially wanting and of necessity turns into dualism and representativism. With Kant, the laws of nature are created by understanding, but in sensible intuitions there is total dualism and representativism, “*affection*.” So Kant sought to emulate not Copernicus, but the “*feat*” of Tycho Brahe¹⁴.

The designations presentativism and representativism <are> better than, say, realism and idealism, because the latter are mixed with the metaphysical questions of the nature of being. The representatives of pure dualism <are> Descartes, Spinoza, Leibniz, also Locke, Berkley <leans> toward solipsism. Kant <is> eclectic.

Philosophy. Metaphysics. Realism.

Initial consciousness knows, generally speaking, only one question: *what is?* This question entails the questions how, why and what for — explanation and understanding. Religious, from which flow — 1, scientific, 2, philosophical. The first *remains* dogmatic, the second *begins* with dogmatism: in place of naïve realism there is the *theory* of naïve realism, essentially *dualism*. Dualism has two outcomes: *subjectivism* or *objectivism*. The former: psychologism, immaterialism, idealism; the latter: naturalism, realism. A new and false problem is created: the relation between the cognitive process and the thing cognised. This distinction remains an *inevitable* prerequisite. Subjectivism can be immanently and positively overcome through objectivism by demonstrating that there are three options — thus Frischeisen-Köhler,¹⁵ New-Realism.¹⁶ Objectivism can

¹⁴ <The next two paragraphs are in pencil.>

¹⁵ <Shpet refers to: (Frischeisen-Köhler, 1912).>

¹⁶ <Shpet refers to: (Holt *et al.*, 1912).>

Realism¹⁵. Преодолеть объективизм можно, показав ложность проблемы. — Правильный путь: через отличие научной проблемы от философской. Догматизм начинается с теории и объяснения. Философия останавливается на *как* и *зачем*. Не выходящая за эти вопросы философия останется *абсолютной*, потому что только объяснение вводит причины и условия, то есть то, что создает относительность. Приложение философских методов к относительному дает относительное философское знание, натурфилософия, философия истории. *Абсолютная* философия устанавливает, *что есть* (материальная, например, феноменология) и как мы приходим к этому (методология; не только философски, но и научно). Вопрос реализма и прочего становится правильной проблемой как феноменология познания. — Вопрос о «реальности внешнего мира» не есть вопрос реализма и прочего, а, во-первых, один из вопросов «что есть», во-вторых (как вопрос о «реальности» просто, то есть реальности *за* внешним), философского объяснения (метафизики), которая всегда догматична поэтому, как и наука.

Так как философия, по существу, конкретна, то последняя совпадает с философией истории. Следовательно, метафизика и вопрос о реальности <...>¹⁶

Теория познания. Кант

Пока Кант «спасает» только *науку* и ищет ее оснований, он не выходит из пределов методологии. Но дело меняется, когда мы вспомним, что, по Канту, сам предмет познания есть не что иное, как познание. Тогда действительно возникает задача познания познания, которая и есть субъективная метафизика. Следовательно, пока Кант спрашивает о возможности науки — это одно, а когда о возможности самой природы — это другое.

¹⁵ <Шпет имеет в виду книгу: (Holt, Marvin, Montague et al., 1912).>

¹⁶ <На этом рукопись обрывается.>

be overcome by showing the falsehood of the problem. — The right way: through distinguishing the scientific problem from the philosophical one. Dogmatism starts with theory and explanation. Philosophy stops at *how* and *what for*. Philosophy that does not go beyond these questions is bound to remain *absolute* because only explanation introduces causes and conditions, that is, what creates relativity. The application of philosophical methods to the relative yields relative philosophical knowledge, natural philosophy, philosophy of history. *Absolute* philosophy establishes *what is* (for example, material phenomenology) and how we arrive at it (methodology; not only philosophically but also scientifically). The question of realism etc. becomes right as phenomenology of cognition. — The question of “reality of the external world” is not a question of realism etc. but first, one of the questions of “what is” and second (as the question of simply ‘reality’, that is, reality *behind* the external) philosophical explanations (metaphysics), which is always dogmatic, like science.

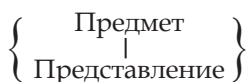
Because philosophy is essentially concrete the latter coincides with the philosophy of history. Consequently, metaphysics and the question of reality <...>¹⁷

Theory of cognition. Kant

As long as Kant “rescues” only *science* and looks for its foundations, he does not go beyond methodology. But things change if we remember that according to Kant the object of cognition itself is cognition. Then indeed, the task of cognising cognition arises, which is subjective metaphysics. Thus, it is one thing when Kant asks whether science is possible and it is another thing when he asks about the possibility of nature itself.

¹⁷ <The manuscript ends here.>

Кант Дилемма

Локк: (постановка дилеммы до Локка: спор скептиков и догматиков)

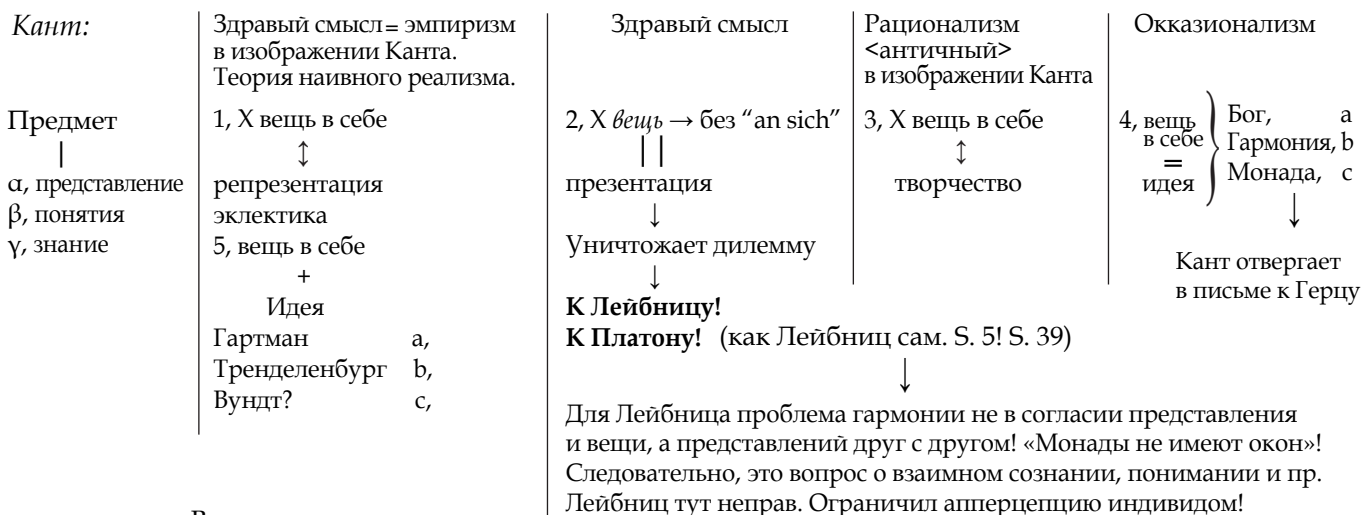
Вещь Локк 536¹. Лейбниц 396 и 419, 351, 5, 485²

↕

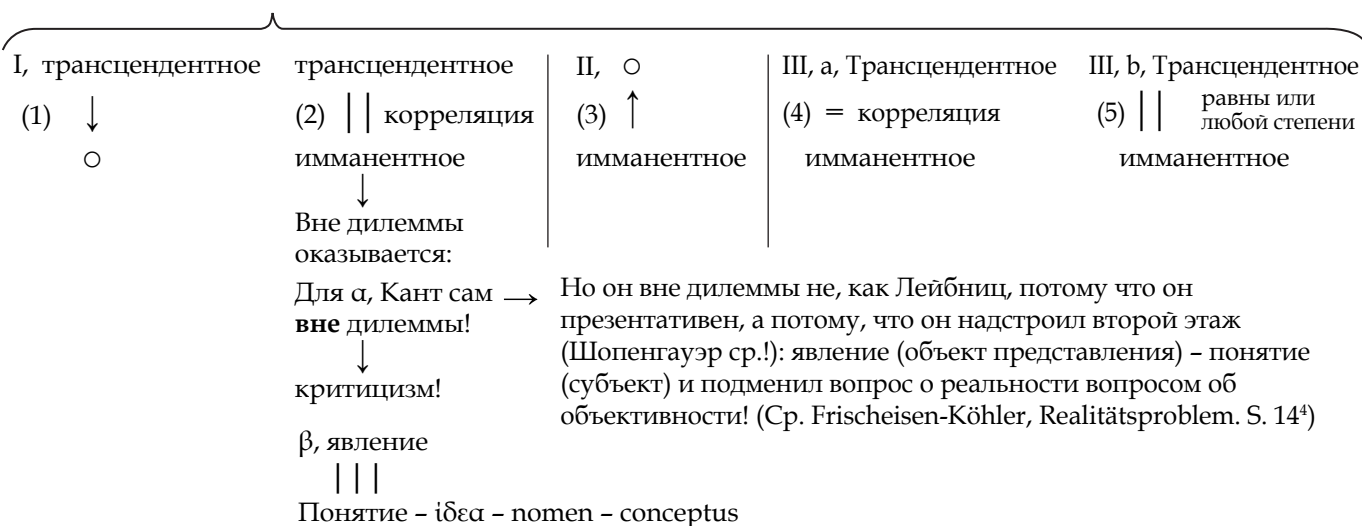
Чувственное восприятие → подвергается сомнению достоверность существования вещей: ответ: ясно различает истинное от иллюзорного, а следовательно, тем самым признает «вещь».

Лейбниц: подвергается сомнению достоверность некоторых представлений:
ответ: гарантия в вечных истинах и их порядке!

Кант:

Возможности

¹ <См.: (Локк, 1898, с. 536).>

² <См.: (Leibniz, 1840, p. 396, 419, 351, 5, 485).>

³ <См.: (Leibniz, 1840, p. 5, 39).>

⁴ <См.: «У мирового целого нет другой наличности, кроме как в понятиях и суждениях научного познания. Тем самым проблема реальности сводится к проблеме объективности» (Frischeisen-Köhler, 1912, S. 14).>

Dilemma

Locke: (treatment of the dilemma before Locke: argument between sceptics and dogmatists)

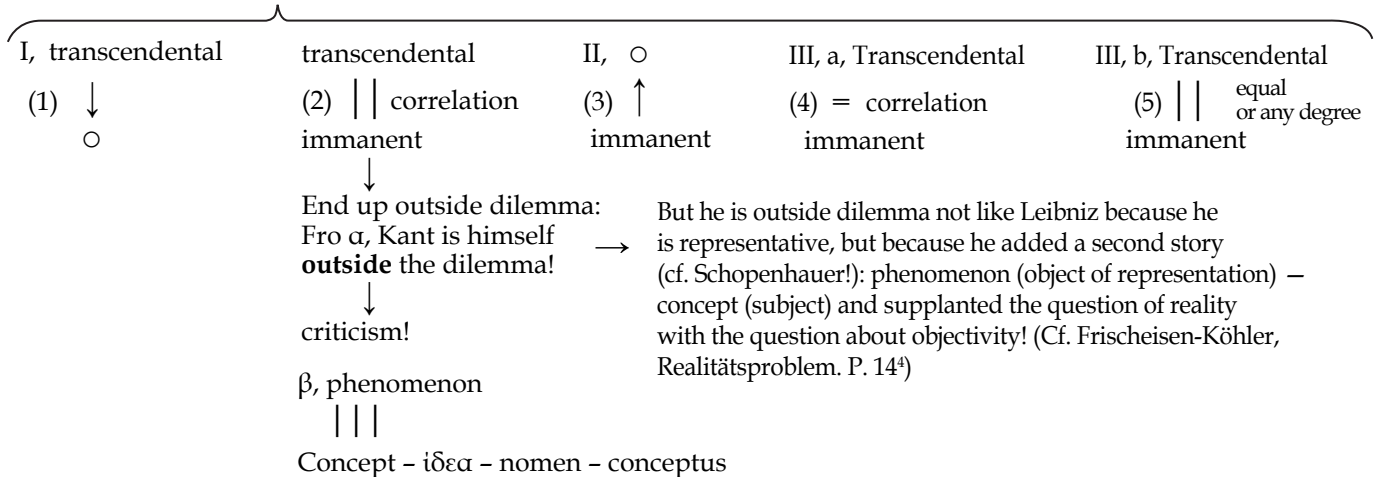
Thing Locke 536.¹ Leibniz 396 and 419, 351, 5, 485²

↕
Sensible intuition → questions reality of existence of things: answer: clearly distinguishes true from illusory, and consequently thereby recognises “the thing”.

Leibniz: questions veracity of some representations:
answer: guarantee of eternal truths and their order!

Kant:	Common sense = empiricism according to Kant. Theory of naïve realism.	Common sense	Rationalism <antique> according to Kant	Occasionalism
Object α, representation β, concepts γ, knowledge	1, X thing in itself ↓ Representation Eclectics 5, thing in itself + Idea Of Hartmann a, Trendelenburg b, Wundt? c,	2, X thing → without <i>an sich</i> presentation ↓ Eliminates dilemma ↓ To Leibniz! To Plato! (like Leibniz himself. P. 5! P. 39 ³) ↓ For Leibniz the problem of harmony is not correspondence of representation and thing, but of representations with one another! “Monads have no windows”! Consequently, it is a question of mutual consciousness, understanding etc. Leibniz is wrong here. Limited apperception to individual!	3, X thing in itself ↕ creation	4, thing in itself } God, a = } Harmony, b idea } Monad, c ↓ Kant rejects in letter to Herz

Possibilities

¹ <See: (Locke, 1898, p. 536).>

² <See.: (Leibniz, 1840, pp. 396 and 419, 351, 5, 485).>

³ <See: (Leibniz, 1840, pp. 5, 39).>

⁴ <See: “The world as a whole has no other solidity than in the concepts and judgments of scientific cognition. In this way the problem of reality is reduced to the problem of objectivity” (Cf. “Das Weltganze hat keinen anderen Bestand als in den Begriffen und Urteilen der wissenschaftlichen Erkenntnis. Damit reduziert sich das Realitätsproblem auf das Problem der Objektivität”) (Frischeisen-Köhler, 1912, p. 14).>

К софизму Канта [<нрзб> 98]

Кантианство по существу — *дуализм*. И это предпосылка Канта. Идеалисты были совершенно правы, поскольку направляли все усилия на преодоление этого дуализма. Но они все время исходили из его признания. Отвергнуть дуализм можно было только отвержением разделения, — так начинает Гегель («Феноменология духа». Введение. Стр. 35 сл.¹⁷). И он прав, когда говорит о «пути естественного сознания» (37), но сам-то он становится для преодоления дуализма на одну из сторон дилеммы. Получается — монизм. Но это относится к сущности всякого монизма: *прикрывать* двойственность. Действительное разделение всегда преодолевается исключенным третьим, но вопрос: есть ли оно? Для этого нужно определить основание деления.

Кант — дилемма.

В таком-то году Киев был разрушен татарами. Это произошло или оттого, что Киев был слаб, или оттого, что татары были сильны. Такой же характер носит кантовская дилемма! Познание, как ответ на вопрос, есть корреляция субъекта и объекта, — это констатируется как факт и нельзя искать объяснения в расчленении корреляции! Можно спрашивать о любом источнике познания, и в нем должна обнаружиться эта корреляция, раз это положение относится к существу познания. Ясно также, что этот вопрос *не* основной, потому что сама корреляция может быть установлена только на почве вопроса о том, *что есть*. Чтобы превратить этот вопрос в основной, были предприняты все ухищрения сделать из субъекта отвлекающий *nonsens*.

¹⁷ <Здесь и далее Шпет приводит страницы по изданию: (Гегель, 1913, с. 35 и след.)>

On Kant's sophism [<illegible> 98]

Kantianism is essentially *dualism*. This is Kant's starting premise. Idealists were quite right in bending their efforts to overcoming this dualism. But they have always recognised it. Dualism can only be rejected by rejecting division. This is the opening of Hegel's *Phenomenology of the Spirit*. Introduction, p. 35ff¹⁸). He is right when he speaks about "the path of natural consciousness" (37), but he himself takes one side of the dilemma to overcome dualism. The result is monism. But then this is true of all kinds of monism: *to cover up* duality. *Real division is always overcome by the excluded third*, but the question is, does it exist? This calls for determining the grounds for division.

Kant — dilemma.

In the year so and so Kiev was destroyed by the Tatars. It happened because Kiev was weak or because the Tatars were strong. Kant's dilemma has the same character. Cognition, as an answer to the question, is correlation of subject and object — this is stated as a fact and there is no point in looking for an explanation of the division of correlation. One may ask about any source of cognition and it must reveal the correlation if this proposition applies to the essence of cognition. It is also clear that this is *not* the main question because the correlation itself can only be established on the basis of the question *what is?* To turn it into the main question every trick has been used to turn the subject into abstract *nonsense*.

¹⁸ <Hereinafter Shpet cites pages according to the Russian edition: (Hegel, 1913, p. 35ff.)>

Кантовский софизм.

I, 1, Никакое истолкование субъекта не помогает, — всякий идеализм есть субъективизм феноменалистического или интеллектуалистического типа, resp., сенсуалистического или логического.

2, Всякое третье невозможно, потому что это не логическое деление по *principium divisionis*, а вещное противопоставление.

3, Ошибка самого Канта в том, что он ввел это третье в виде вещи в себе.

4, Опровержение софизма должно идти не через опровержение идеализма [субъективизма], потому что идеализм [субъективизм] (критицизм — аргументация Шеллинга!) питается только отрицанием реализма [объективизма], а через утверждение реализма.

5, Реализм только тогда не попадает в софистическую ловушку, когда он сам не поднимает вопроса о «вещах в себе», а говорит только о действительности.

II, 1, Софизм возник из желания обосновать возможность познания, поэтому этот вопрос должен быть разрешен реализмом, — тогда только вполне устраняется дилемма.

2, Дилемма сама затрудняет решение этого вопроса ограничением источников познания чувственностью и рассудком и отрицанием интеллектуальной интуиции и разума.

3, Прямой путь ее устранения — в утверждении интеллигибельной интуиции, то есть третья ступень у Канта [*Vernunft* — ?].

4, Желание Канта удовлетворяется указанием идеального предмета и обращением к Платону.

III, 1, Устранение субъективизма есть устранение теории познания в качестве принципов, или «первой философии».

2, Следовательно, утверждение действительных принципов, в свете которых кантовская дилемма получает новое значение: субъект и объект коррелятивны, а потому не может быть вопроса о том, что с чем сообразуется (гора и долина).

Kant's sophism.

I, 1, No interpretation of the subject helps — all idealism is subjectivism of the phenomenalist or intellectualistic type, resp., sensualist or logical.

2, No third member is possible because it is not a logical *principium divisionis*, but objective contradistinction

3, Kant's error was that he introduced the third as thing in itself

4, Sophism should be refuted not through refutation of idealism [subjectivism] because idealism [subjectivism] (criticism — Shelling's argument!) is sustained only by negation of realism [objectivism], but through affirmation of realism.

5, Realism is not caught in the sophist trap only when it does not itself raise the question of the "thing in itself", but speaks only about reality.

II, 1, Sophism arose from the desire to ground the possibility of cognition, such that the question has to be solved by realism — only then is the dilemma completely eliminated.

2, The dilemma itself complicates the solution of this question by limiting the sources of cognition to sensibility and understanding and denying intellectual intuition and reason.

3, The straightforward way to eliminate I is to affirm intelligible intuition, that is, Kant's third stage [*Vernunft* — ?]

4, Kant's wish is met by pointing to the ideal object and invoking Plato.

III, 1, Elimination of subjectivism is elimination of the theory of cognition as principles, or "the first philosophy."

2, Consequently, the affirmation of real principles in the light of which the Kantian dilemma acquires a new meaning: the subject and object are correlated, thus making irrelevant the question of what corresponds to what (the mountain or the valley).

3, Новый вопрос возникает, когда узнаем, что предмет есть эмпирическая действительность или идеальная сущность (когда узнаем, что «гора» есть «Везувий»).

4, Тут определяется, что задачей первой философии является «предмет» как действительность и сущность, ens.

Канта дилемма.

Самая дилемма Канта (антитезис, Дробисш § 142¹⁸) получается из признания наличности «априорного знания»¹⁹. Но тут и можно показать, что кантовское допущение не единственное, стоит только признать, что «предметы» не суть одни «вещи» эмпирического мира. Другими словами, стоит только признать наличность «априорных» предметов! В общем виде, конечно, всякий реализм есть точка зрения априорности предметов для познания, но я имею в виду другое. Априорными предметами я называю те предметы, которые *не* возникают (и не приходят) в историю мира. Само собой разумеется, что употребленное мною выражение «стоит только признать» не указывает на их гипотетичность, — тогда как у Канта именно гипотеза, — а только на их антидететичность (случайности!), они должны быть просто указаны «в» факте. Усмотрение ее и есть также утверждение априорности знания. В этом истинный платонизм. Кант *хотел* понимать Платона лучше самого Платона, хотя

¹⁸ <См.: (Drobisch, 1887, S. 178–179).>

¹⁹ Вопрос о его синтетическом характере нужно оставить в стороне. Мы имеем в виду только «расширяющее» знание, хотя бы потому, что иного не бывает. Хотя в общем следует заметить, что вопрос о «расширении» знания есть вопрос совершенно третьестепенный; существенно: истинно или неистинно наше знание, а не то: «расширяется» оно или «разъясняется»; это может быть существенно только с точки зрения педагогической.

3, A new question arises when we learn that the object is empirical reality or *ideal* entity (when we learn that “the mountain” is Vesuvius)

4, This determines that the task of the first philosophy is the “object” as reality and essence, ens.

Kant's dilemma.

Kant's dilemma (antithesis, Drobisch § 142¹⁹) arises from recognition of the existence of “a priori knowledge”.²⁰ But this is the chance to show that Kant's assumption is not the only one, all that it takes is to recognise that “objects” are not only “things” of the empirical world. In other words, one only has to recognise the existence of “a priori” objects! In general, of course, every kind of realism assumes a priori objects of cognition, but this is not what I have in mind. In my view a priori objects are objects which do *not* appear (or come) into the history of the world. It goes without saying that my use of the expression “all it takes is to recognise” does not suggest their hypothetical character — whereas with Kant it is precisely a hypothesis — but only their antithetic (contingent) character!, they need only be indicated “in” fact. Discerning it constitutes affirmation of the a priori nature of knowledge. Herein lies true Platonism. Kant *wanted* to understand Plato better than Plato himself, although he *could not* even understand it better than Brucker!²¹ Meanwhile to justify his Copernican ambition

¹⁹ <See: (Drobisch, 1887, pp. 178-179).>

²⁰ The question of its synthetic character has to be set aside. We mean only “expanding” knowledge if only because there is no other kind. In general, though, it has to be noted that the question of “expanding” knowledge is tertiary; what matters is whether our knowledge is true or not and not whether it is “expanded” or “explained”; this may be important only from the pedagogical point of view.

²¹ <Brucker Johann Jacob (1696 — 1770), historian of philosophy, see: (Brucker, 1742). On Brucker's influence on Kant see: (Baum, 2019, p. 20).>

не мог его понимать лучше Брукера²⁰! Между тем для оправдания своего коперниканства Канту прежде всего нужно было бы опровергнуть Платона. Мысль же Платона ясна: Федон 76 d-e²¹.

Интересно, что когда Кант опровергает идеализм по отношению к реальности внешнего мира, он прибегает к способу аналитическому <> Платону (антитетическому?). Проблема его софизма есть, по смыслу, проблема «реальности» предмета, Кант же делает предмет феноменальным, возникает субъективизм, и проблема становится проблемой «объективизма — субъективизма». Но тут, конечно, <есть> проблема до тех пор, пока речь идет об анализе сознания, а начинается она, когда вопрос идет о физиологии и психологии чувственных ощущений [к сравнению с Платоном, см. Тренделенбург, т. II, стр. 504²²].

²⁰ <Брукер (Brucker) Иоанн-Яков (1696–1770) — историк философии, см.: (Brucker, 1742). О влиянии Брукера на Канта см.: (Баум, 2019, с. 20).>

²¹ <Ср.: «...если существует то, что постоянно у нас на языке, — прекрасное, и доброе, и другие подобного рода сущности, к которым мы возводим все, полученное в чувственных восприятиях, причем обнаруживается, что все это досталось нам с самого начала, — если это так, то с той же необходимостью, с какой есть эти сущности, существует и наша душа, прежде чем мы родимся на свет. Если же они не существуют, разве не шло бы наше рассуждение совсем по-иному? Значит, это так, и в равной мере необходимо существование и таких сущностей, и наших душ еще до нашего рождения, и, видимо, если нет одного, то нет и другого»

— По-моему, это совершенно необходимо, Сократ» (Платон, 1993, с. 31).>

²² <Ср.: «Когда Платон в “Федоне” доказывает припоминательное существо познания доводом, что вещи всегда кажутся нам отстающими от того, чем бы им хотелось или следовало быть по-настоящему, а между тем чувства всегда представляют их нам только так, как они действительно есть: то мы легко распознаем здесь предполагаемую цель, которая тихомолком принимается за меру, хотя о ней вовсе и не упоминается. Ту же самую цель Кант понял, как мы видели, в качестве первичного, изначального, а priori. Если, наконец, в приведенном месте “Федона” Платон называет равное таким понятием, которого нигде не находим

Kant had first of all to refute Plato. Plato’s idea is clear: *Phaedo*, 76 d-e.²²

It is interesting that when Kant refutes idealism with regard to the reality of the external world he resorts to the analytical method, <> with regard to Plato (antithetic?) The problem of his sophistry is basically the problem of the “reality” of the object. Kant meanwhile makes the object phenomenal, giving rise to subjectivism, and the problem becomes one of “objectivism-subjectivism.” But of course there <is> a problem as long as we are looking at consciousness, and it arises when we are looking at the physiology and psychology of sensible perceptions [on comparison with Plato see Trendelenburg, vol. II, p. 504²³].

²² <Cf.: “If, as we are always saying, the beautiful exists, and the good, and every essence of that kind, and if we refer all our sensations to these, which we find existed previously and are now ours, and compare our sensations with these, is it not a necessary inference that just as these abstractions exist, so our souls existed before we were born; and if these abstractions do not exist, our argument is of no force? Is this the case, and is it equally certain that provided these things exist our souls also existed before we were born, and that if these do not exist, neither did our souls?”

‘Socrates, it seems to me that there is absolutely the same certainty’” (Plato, 2005, pp. 267-269).>

²³ <Cf.: “When Plato in *Phaedo* argues that cognition is essentially ‘recollection’ by pointing out that things always seem to us to be lagging behind what they would really like or should be, while senses always present them to us as they really are: we readily recognise here the supposed goal which is quietly adopted as the measure although it is not mentioned at all. As we have seen, Kant understood this goal as the primary, the original, a priori. If Plato in the cited place of *Phaedo* designates the equal by a concept that we do not find anywhere in the sensible world yet apply it to the objects of senses: this resembles Kant’s identity of self-consciousness as the ultimate source of any a priori because the equal is what is identical in quantity.

This may suggest a very close affinity between Kant’s transcendental idealism and Plato; but this cannot be allowed because in this case the historical meaning of the word and the attitude to Berkeley would be lost. With Kant the word idealism does not mean affirmation of the idea, but the negation of the real in representation. The teaching of Fichte, Schopenhauer is idealism in the same Kantian meaning, and this usage is called idealism in the same Kantian meaning, and the same usage prevails in Schleiermacher’s dialectics.

NB

I, эмпирический реализм
 II, трансцендентальный =
 платоновский идеализм
 III, идея принципов

В Канте полагается преодолеть две вещи: 1, дуализм (вещь в себе), 2, субъективизм. Преодолеть вещь в себе пытается уже идеализм, но ошибка его в том, что он приходит, — как показал уже Либман, — к вещи в себе со стороны субъекта! (К значению «вещи в себе» Больцано I, 197²³)

Почему за Кантом не последовали идеалисты? — См. статью Heman'a в *Zu Kants Gedächtnis*²⁴.

Благодарности: Работа Т. Г. Щедриной выполнена в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РФФ № 22-28-01799 «"Архив эпохи" Н. И. Жинкина в контексте современных проблем методологии и философии науки». Исследование И. О. Щедриной осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

мы в чувственном мире, а прилагаем однако ж к предметам чувств: то это напоминает Кантову тождественность самосознания, как последний источник всякого а priori; потому что равное есть ведь тождественное в количестве.

Таким образом может, пожалуй, возникнуть мысль о теснейшем сближении Кантова трансцендентального идеализма с Платоном; но этого допустить нельзя потому, что в таком случае утратился бы исторический смысл слова, отношение к Берклею. У Канта слово идеализм значит ведь не утверждение идеи, а отрицание реального в представлении. В том же кантовском смысле называется идеализмом учение Фихте, Шопенгауэра, и это словоупотребление господствует еще и в Шлейермахеровой диалектике.

Название это принимает, разумеется, совсем другое значение, когда, в смысле позднейших немецких философов, оно связывает идеализм непосредственно с идеей Платона и относит его не к вещи представляемой, а к мысли в вещах» (Тренделенбург, 1868, с. 504). См. об этом также: (Шпет, 2016, с. 24–25).>

²³ <См.: (Bolzano, 1837, S. 197).>

²⁴ <См.: (Heman, 1904).>

NB

I, empirical realism
 II, transcendental =
 Platonic idealism
 III, the idea of principles

In Kant, two things are to be overcome: 1, dualism (the thing in itself), 2, subjectivism. Already idealism tries to overcome the thing in itself, but its mistake, as Liebmann has pointed out, is that it approaches the thing in itself from the side of the subject! (to the meaning of the thing in itself according to Bolzano I, 197²⁴)

Why did not the idealists follow Kant? — See Heman's article in *Zu Kants Gedächtnis*²⁵)

Acknowledgements: The work of T. G. Shchedrina is part of the project of the Institute of Logic, Cognitive Science and Personality Development supported by Russian Science Foundation grant № 22-28-01799 "N.I. Zhinkin's 'Archive of the Epoch' in the Context of Contemporary Problems of Methodology and Philosophy of Science". I. O. Shchedrina's investigation is part of the Fundamental Research Program of HSE University.

References

Akhutin, A.V., 1990. Sophia and the Devil (Kant in the Face of Russian Religious Metaphysics). *Voprosy filosofii*, 1, pp. 51-69. (In Rus.)

Anonym., 1907. Report on the activities of the Psychological Seminary at the St. Vladimir University for 1902–1906]. *Trudy Psichologicheskoy Seminarii pri Universitete Sv. Vladimira*. [Proceedings of the Psychological Seminary at the St. Vladimir University] (Kiev), 1(4), pp. 1-11. (In Rus.)

Baum, M., 2019. Kants praktischer Platonismus. *Kantian Journal*, 38(4), pp. 7-33. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-4-1>.

The word of course acquires a totally different meaning when the latest German philosophers link idealism directly with Plato and apply it not to the thing of representation, but to thought in things" (Trendelenburg, 1868, p. 504). On this see also: (Shpet, 2016, pp. 24-25).>

²⁴ <See: (Bolzano, 1837, p. 197).>

²⁵ <See: (Heman, 1904).>

Список литературы

Ахутин А. В. София и черт (Кант перед лицом русской религиозной метафизики) // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 51–69.

Баум М. Практический платонизм Канта // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 4. С. 7–33. doi: 10.5922/0207-6918-2019-4-1.

Белый А. Между двух революций. М. : Худ. лит., 1990.

Гегель Г. В. Феноменология духа / пер. под ред. Э. Л. Радлова. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1913.

Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2005.

Калиниченко В. В. Густав Шпет: от феноменологии к герменевтике // Логос. 1992. № 3. С. 37–61.

Локк Дж. Опыт о человеческом разуме / пер. А. Н. Савина. М. : типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерева, 1898.

Отчет о деятельности Психологической семинарии при Университете св. Владимира за 1902–1906 гг. // Труды Психологической семинарии при Университете св. Владимира. Киев : тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1907. Т. 1, вып. 4. С. 1–11.

Платон. Федон // Собр. соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1993. Т. 2. С. 70–80.

Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Давид Юм и Густав Шпет: проблема эмпиризма в историческом познании // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 133–144.

Тренделенбург А. Логические исследования. М. : тип. Грачева и Ко, 1868. Т. II.

Троицкий М. М. Немецкая психология в текущем столетии. 2-е изд. М. : тип. А. Гатцука, 1883.

Шпет Г. Г. [Рецензия] // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. III (73). С. 406–418. Рец. на кн. : Zu Kants Gedächtnis. Zwölf Festgaben zu seinem 100-jährigen Todestage von O. Liebmann, W. Windelband, F. Paulsen, A. Riehl, E. Kühnemann, E. Troeltsch, F. Heman, F. Staudinger, G. Runze, B. Bauch, F. A. Schmid, E. v. Aster, herausgegeben von H. Vaihinger und B. Bauch. Mit vier Beilagen. Berlin : Reuther u. Reichard, 1904. 350 S.

Шпет Г. Г. Проблема причинности у Юма и Канта (Введение) // Труды Психологической семинарии при Университете св. Владимира. Философские исследования. Киев : тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1905. Т. 1, вып. 3. С. 1–16.

Bely, A., 1990. *Mezhdru dvukh revoljucij* [Between Two Revolutions]. Moscow: Khudozhestvennaja literatura. (In Rus.)

Bolzano, B., 1837. *Wissenschaftslehre. Volume 1*. Sulzbach: Seidelsche Buchhandlung.

Brucker, J., 1742. *Historia critica philosophiae. Part 1*. Leipzig: Breitkopf.

Drobisch, M.W., 1887. *Neue Darstellung der Logik nach ihren einfachsten Verhältnissen mit Rücksicht auf Mathematik und Naturwissenschaft*. Hamburg & Leipzig: Leopold Voss.

Frischeisen-Köhler, M., 1912. *Realitätsproblem*. Berlin: Reuther & Reichard.

Hegel, G.W.F., 1913. *Phenomenology of Spirit*. Edited and translated in Russian by E. L. Radlov. St. Petersburg: Brokgauz-Efron. (In Rus.)

Heman, F., 1904. Immanuel Kants philosophisches Vermächtnis. In: H. Vaihinger and B. Bauch, eds. 1904. *Zu Kants Gedächtnis. Zwölf Festgaben zu seinem 100-jährigen Todestage von O. Liebmann, W. Windelband, F. Paulsen, A. Riehl, E. Kühnemann, E. Troeltsch, F. Heman, F. Staudinger, G. Runze, B. Bauch, F. A. Schmid, E.v. Aster; mit vier Beilagen*. Berlin: Reuther & Reichard, pp. 155-195.

Holt, E.B., Marvin, W.T., Montague, W.P., Perry, R.B., Pitkin, W.B. and Spaulding, E.G., 1912. *The New Realism: Cooperative Studies in Philosophy*. New York: Macmillan Company.

Jurkevich, P.D., 1865. Reason According to Plato and Experience According to Kant (Speech Delivered at the Solemn Meeting of the Imperial Moscow University on 12 January 1866). *Moskovskie universitetskie izvestija* [Moscow University News], 35, pp. 321-392. (In Rus.)

Kalinichenko, V.V., 1992. Gustav Shpet: From Phenomenology to Hermeneutics. *Logos*, 3, pp. 37-61. (In Rus.)

Leibniz, G.W., 1840. *God. Guil. Leibnitii Opera Philosophica quae exstant Latina Gallica Germanica omnia. Pars prior et altera*. Edited by J. E. Erdmann. Berolini: Sumtibus G. Eighleri.

Locke, J., 1898. *Opyt o chelovecheskom razume* [An Essay Concerning Human Understanding]. Translated in Russian by A.N. Savin. Moscow: Typ-lit. t-va I.N. Kushnereva. (In Rus.)

Plato, 2005. *Phaedo*. In: Plato, 2005. *Euthyphro, Apology, Crito, Phaedo, Phaedrus*. Translated by H. N. Fowler, Introduction by W.R. M. Lamb. Cambridge, MA & London: Harvard University Press, pp. 193-404.

Pruzhinin, B.I. and Shchedrina, T.G., 2012. David Hume and Gustav Shpet: the Problem of Empiricism in Historical Knowledge. *Voprosy filosofii*, 7, pp. 133-144. (In Rus.)

Шпет Г. Г. Проблема причинности у Юма и Канта: Ответил ли Кант на сомнения Юма. Киев : тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1907.

Шпет Г. Г. Письмо к Э. Гуссерлю от 26 февраля 1914 г. // Логос. 1996. № 7. С. 123–128.

Шпет Г. Г. Философия и история // Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избр. тр. / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2005а. С. 191–200.

Шпет Г. Г. Явление и смысл // Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избр. тр. / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2005б. С. 35–188.

Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избр. тр. по философии культуры / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2007. С. 175–322.

Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. Т. 2 : Материалы / реконструкция Татьяны Щедриной. М. : РОССПЭН, 2009.

Шпет Г. Г. Лекции по теории познания: параграфы 1–9 // Шпет Г. Г. Философия и наука. Лекционные курсы / отв. ред.-сост., археогр. работа и реконструкция текста Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2010а. С. 272–291.

Шпет Г. Г. Логика. Лекции, читанные в 1911–1912 годах на Высших женских курсах // Шпет Г. Г. Философия и наука. Лекционные курсы / отв. ред.-сост., археогр. работа и реконструкция текста Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2010б. С. 19–210.

Шпет Г. Г. Новейшие течения в социальной науке // Шпет Г. Г. Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2010в. С. 34–51.

Шпет Г. Г. Zu Kants Gedächtnis... // Шпет Г. Г. Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры. М. : РОССПЭН, 2010г. С. 52–61.

Шпет Г. Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Ч. 1 : Материалы / отв. ред.-сост., предисл., коммент., археогр. работа и реконструкция Т. Г. Щедриной. М. ; СПб. : Университетская книга, 2014.

Шпет Г. Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Ч. 2 : Архивные материалы / отв. ред.-сост., вступ. ст., реконструкция Т. Г. Щедриной ; коммент., археограф. работа Т. Г. Щедриной, И. О. Щедриной. М. ; СПб. : Университетская книга, 2016.

Shchedrina, T.G., ed. 2005. *Gustav Shpet: zhizn' v pis'makh. Jepistoljarnoe nasledie* [Gustav Shpet: Life in Letters. Epistolary Heritage]. Moscow: ROSSPEN. (In Rus.)

Shpet, G.G., 1904. [Book Review] Zu Kants Gedächtnis. Zwölf Festgaben zu seinem 100-jährigen Todestage von O. Liebmann, W. Windelband, F. Paulsen, A. Riehl, E. Kühnemann, E. Troeltsch, F. Heman, F. Staudinger, G. Runze, B. Bauch, F. A. Schmid, E. v. Aster, herausgegeben von H. Vaihinger und B. Bauch. Mit vier Beilagen. Berlin : Reuther v. Reichard, 1904. 350 S. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of Philosophy and Psychology], III (73), pp. 406-418. (In Rus.)

Shpet, G.G., 1905. The Problem of Causality in Hume and Kant (Introduction). *Trudy Psikhologicheskoi seminarii pri universitete Sv. Vladimira. Filosofskie issledovanija*. [Proceedings of the Psychological Seminary at the St. Vladimir University. Philosophical Investigations] (Kiev), 1(3), pp. 1-16. (In Rus.)

Shpet, G.G., 1907. *Problema prichinnosti u Juma i Kanta: Otvetil li Kant na somnenija Juma* [The Problem of Causality in Hume and Kant: Did Kant Answer Hume's Doubts]. Kiev: Tipografija Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira. (In Rus.)

Shpet, G.G., 1991. *Appearance and Sense: Phenomenology as the Fundamental Science and Its Problems*. Translated by T. Nemeth. Dordrecht, Boston & London: Kluwer Academic Publishers.

Shpet, G.G., 1996. Letter to E. Husserl dated February 26, 1914. *Logos*, 7, pp. 123-128. (In Rus.)

Shpet, G.G., 1997. A Work on Philosophy. *Russian Studies in Philosophy*, 35(4), pp. 43-59. <http://dx.doi.org/10.2753/RSP1061-1967350443>

Shpet, G.G., 2005. Philosophy and History. In: G. G. Shpet, 2005. *Mysl' i Slovo. Izbrannye trudy* [Thought and Word. Selected Works]. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 191-200. (In Rus.)

Shpet, G.G., 2007. *Esteticheskie fragmenty* [Aesthetic Fragments]. In: G. G. Shpet, 2007. *Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury* [The Art as a Kind of Knowledge. Selected Works on the Philosophy of Culture]. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 175-322. (In Rus.)

Shpet, G.G., 2009. *Oчерk razvoitija russkoj filosofii. II. Materialy* [Essay on the Development of Russian Philosophy. II. Materials]. Reconstruction by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 24-56. (In Rus.)

Shpet, G.G., 2010a. Lectures on the Theory of Cognition: Paragraphs 1–9. In: G. G. Shpet, 2010. *Filosofija i nauka. Lekcionnye kursy* [Philosophy and Science. Lecture Courses]. Edited, published and reconstructed by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 272-291. (In Rus.)

Юркевич П. Д. Разум по учению Платона и опыт по учению Канта (Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета 12-го января 1866 года) // Московские университетские известия. 1865. № 35. С. 321–392.

Bolzano B. Wissenschaftslehre. Sulzbach : Seidelsche Buchhandlung, 1837. Bd. 1.

Brucker J. Historia critica philosophiae. Leipzig : Breitkopf, 1742. Т. 1.

Drobisch M. W. Neue Darstellung der Logik nach ihren einfachsten Verhältnissen mit Rücksicht auf Mathematik und Naturwissenschaft. Hamburg ; Leipzig : Leopold Voss, 1887.

Frischeisen-Köhler M. Realitätsproblem. Berlin : Reuther und Reichard, 1912.

Heman F. Immanuel Kants philosophisches Vermächtnis // Zu Kants Gedächtnis. Zwölf Festgaben zu seinem 100-jährigen Todestage von O. Liebmann, W. Windelband, F. Paulsen, A. Riehl, E. Kühnemann, E. Troeltsch, F. Heman, F. Staudinger, G. Runze, B. Bauch, F. A. Schmid, E. v. Aster / hrsg. von H. Vaihinger und B. Bauch ; mit vier Beilagen. Berlin : Reuther und Reichard, 1904. S. 155–195.

Holt E. B., Marvin W. T., Montague W. P., Perry R. B., Pitkin W. B., Spaulding E. G. The New Realism: Cooperative Studies in Philosophy. N.Y. : Macmillan company, 1912.

Leibniz G. W. God. Guil. Leibnitii Opera Philosophica quae exstant Latina Gallica Germanica omnia. Pars prior et altera / ed. J. E. Erdmann. Berolini : Sumtibus G. Eighleri, 1840.

Об авторах

Татьяна Геннадьевна Щедрина, доктор философских наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; Институт логики, когнитологии и развития личности, Москва, Россия.

E-mail: tannirra@yandex.ru

Ирина Олеговна Щедрина, кандидат философских наук, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: echiscar@yandex.ru

Shpet, G.G., 2010b. *Logika. Lekcii, chitannye v 1911–1912 godah na Vysshikh zhenskikh kursakh* [Logics. Lectures Given in 1911–1912 at the Higher Women's Courses]. In: G. G. Shpet, 2010. *Filosofija i nauka. Lekcionnye kursy* [Philosophy and Science. Lecture Courses]. Edited, published and reconstructed by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp.19-210. (In Rus.)

Shpet, G.G., 2010c. The Latest Trends in Social Science. In: G. G. Shpet, 2010. *Filosofskaja kritika: otzvyvy, recenzii, obzory* [Philosophical Criticism: Commentaries, Reviews, Summaries]. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 34-51. (In Rus.)

Shpet, G.G., 2010d. [Book Review] Zu Kants Gedachtniss... In: G. G. Shpet, 2010. *Filosofskaja kritika: otzvyvy, recenzii, obzory* [Philosophical criticism: comments, reviews, summaries]. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 52-61. (In Rus.)

Shpet, G.G., 2014. *Istorija kak problema logiki: Kriticheskie i metodologicheskie issledovanija. Chast' pervaja. Materialy* [History as a Problem of Logic: Critical and Methodological Studies. Part One. Materials]. Edited, published, commented and reconstructed by T. G. Shchedrina. Moscow & St. Petersburg: Universitetskaja kniga. (In Rus.)

Shpet, G.G., 2016. *Istorija kak problema logiki: Kriticheskie i metodologicheskie issledovanija. Chast' вторая. Arkhivnye materialy* [History as a Problem of Logic: Critical and Methodological Studies. Part Two. Archival Materials]. Edited by T. G. Shchedrina, Reconstruction and Introduction by T. G. Shchedrina; published and commented by T. G. Shchedrina and I. O. Shchedrina. Moscow & St. Petersburg: Universitetskaja kniga. (In Rus.)

Trendelenburg, A., 1868. *Logicheskie issledovanija* [Logical Investigations]. Volume II. Moscow: Tip. Gracheva & Co. (In Rus.)

Troitsky, M.M., 1883. *Nemeckaja psihologija v tekushem stoletii* [German Psychology in the Current Century]. Second Edition. Moscow: Typ. A. Gatsuka. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The authors

Prof. Dr Tatiana G. Shchedrina, Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russia; Institute of Logic, Cognitive Science and Personal Development, Moscow, Russia.

E-mail: tannirra@yandex.ru

Dr Irina O. Shchedrina, HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: echiscar@yandex.ru

Для цитирования:

Щедрина Т. Г., Щедрина И. О. Иммануил Кант в исторической философии Густава Шпета // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 3. С. 124–151.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-3-5

© Щедрина Т. Г., Щедрина И. О., 2022.

To cite this article:

Shchedrina, T.G. and Shchedrina, I.O., 2022. Immanuel Kant in the Historical Philosophy of Gustav Shpet. *Kantian Journal*, 41(3), pp. 124-151.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-3-5>

© Shchedrina, T.G., Shchedrina, I.O., 2022.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))